

Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С.Т.Разиным*

Ключевые слова: Крымское ханство, Войско Донское, переписка, войсковой архив, крымские ханы, атаман С.Т. Разин.

Аннотация. В статье рассмотрены малоизученные вопросы контактов атамана С.Т. Разина с крымскими ханами на рубеже 1660–1670-х гг. Проблема дипломатических контактов донских казаков и Крымского ханства представлена на фоне истории архива Войска Донского, истории войскового делопроизводства.

Проблематика статьи вписана в контекст актуальных тем, относящихся к прошлому донского казачества XVII в., недостаточно изученных наукой. Среди них назовем: документирование деятельности Войска Донского и формирование войскового архива, историю письменных сношений Войска Донского с соседними народами и с государствами – дипломатическими партнерами донских казаков; неконфронтационные отношения донского казачества с государствами Востока (на первом месте среди которых – Крымское ханство и Османская империя), дипломатическое искусство донских казаков и казачьих лидеров (атаманов). Обращение к истории дипломатических контактов Войска Донского с Гиреями и Османами крайне важно в связи с изучением явлений, влиявших на донское казачество, но развивавшихся вне конкретной политической и социальной системы России. Недостаток таких исследований ощущается и сегодня, порождая определенные историографические стереотипы. Наконец, речь идет об изучении информационного пространства XVII в. как сферы, формирующей представления о казаках далеко за пределами Донской земли.

Актуально, кроме того, связать развитие войскового делопроизводства с эволюцией социального устройства Войска Донского, его потестарных структур, а также с развитием на Дону тех форм фиксации действительности, которые, строго говоря, были не вполне характерны для правового сознания донских казаков XVI–XVII вв. Очевидно, что проблема выходит за пределы такого интересного вопроса как распространение письменности, грамотности и просвещения на Дону [Королев, 1999, с.92–113]. Не менее важно исследовать вопрос о письменной форме коммуникации казаков с разными участниками исторического процесса (включая процедуры создания, использования, хранения документов) как об источнике легитимации войсковой верхушки, закрепляющем за ней властные полномочия. Новая форма знания и фиксации событий на бумажной основе становится все более значимой, ее символический капитал очевиден – вероятно, в этой связи перспективно исследовать вопрос о формировании и возможной реконструкции войскового архива, об источниках его комплектования, а также об использовании войсковой делопроизводственной документации как формы самопрезентации Войска Донского. Историю войскового архива можно связать при этом с формированием круга профессионалов, участвовавших в его создании и обслуживании (войсковых дьяков [Куц, 2004; Рыблова, 2006, с.378–379]), войсковых структур и явлений, маркирующих их функции. Так, согласно свидетельству 1685 г.¹, в помещении *войсковой избы* хранились «...от польского короля к ним казаком и к Аюкаю тайше и в юрты к мурзам листы, а о чем, того де подлинно не доведася, потому что бывают де у них тайные круги с старшиною малыми людьми» [РГАДА, ф.111, оп.1, 1685 г., д.4, л.7]. Последующее разбирательство подтвердило переписку Войска Донского не только с польским королем Яном III Собеским и с его уполномоченными, но также с Войском Запорожским. Подчеркнем при этом – войсковая изба, являвшаяся главным центром, аккумулировавшим делопроизводственную документацию Войска Донского, была одновременно местом хранения *войскового архива*. При этом, безусловно, деятельность войскового дьяка и его помощников [Куц, 2009, с.217–218] была связана с властными полномочиями войскового круга в сфере создания документов, исходивших от Войска. Вопрос о роли войскового

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI – XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

¹ Информантом Москвы выступил тогда Еремка Степанов, а источником его сведений – разговоры с донскими казаками.

дьяка в документирования деятельности Войска Донского далеко не праздный – даже если при тщательном изучении вопроса окажется, что текст войсковых отписок мог писаться в войсковом же кругу [Куц, 2009, с.211].

Письменная форма коммуникации со временем стала характеризовать османо-казачьи (азовско-донские) пограничные отношения, включая такой малоизученный аспект проблемы как «замирение» и «розмирение» сторон [Сень, 2009, с.77–79]. Даже после 1671 г. указанные акции – не редкость. Сроки, на период которых действовали соглашения подобного рода, были разными – до нескольких месяцев, вплоть до появления формулировки «безсрочно на сколько время они меж собой похотят». В войсковой отписке, привезенной в Москву зимовой казачьей станицей Л.Федорова (декабрь 1685 г.), сообщалось, в частности, что азовцы охотятся за казаками-гулебщиками. Причины «розмира» с турками виделись донцам в том, что «азовцы, за миром и за душами своими многие нам неправды чинили и обиды великие своим бездушием, и обманом казаков наших во многих местех многих людей побрали...» [РГАДА, ф.111, оп.1, 1685 г., д.11, л.2]. При описании подробностей, подчеркнем, донцы ссылались на *традицию* – прежние практики «замирения» с азовцами: «...им (казакам. – Д.С.) азовцы ниже донецково верхнева устья ездить не велят же, а в прежних... мирах ничего от них того нам не бывало. И в мировых наших того не писано, а у нас в тех местах звериные ухажьи и рыбные ловли...» [Там же, л.2]. Отметим деталь, ускользавшую часто от внимания специалистов – процедура очередного «замирения» сопровождалась *письменной* формой фиксации, будучи знаково (семиотически) маркированной обеими сторонами процесса.

Мы видим, что документально зафиксированные контакты казаков уместно исследовать в связи с расширением их «корреспондентской сети», отражающей, в свою очередь, политический кругозор донского казачества и, нередко, его международное положение. Анализ войсковой делопроизводственной документации, ориентированной не только на Москву, включает историю донского казачества в контекст международной жизни Европы [Махатка, 1958; Сень, 2011] и государств Востока, а также в сферу функционирования различных социальных сетей, имевших большое значение для Войска Донского. Обратим при этом внимание, что внешнеполитические отношения Войска Донского, облекавшиеся и в письменную форму, весьма беспокоили центральную российскую власть. Следовательно, подобные контакты можно исследовать в русле проблематики, связанной с историей подчинения донского казачества России и ликвидации его политической независимости.

Справедливо мнение А.П.Пронштейна, указавшего на связь таких явлений с проявлением самостоятельности со стороны казаков и после 1671 г. [Пронштейн, 1961, с.220]. Однако, несмотря на все старания Москвы, на новые удары по праву внешних сношений Войска Донского уже в начале XVIII в., донские казаки не очень-то спешили отказывать себе и дипломатическим партнерам, неугодным царю – Речи Посполитой, Азову, Крымскому ханству – в продолжении переписки [Пронштейн, с.220]. Ученый обратил внимание, что еще в 1718 г. крымский хан Сеадет (Саадет)-Гирей III направил Войску Донскому свой «лист», но его тут же переслали в Санкт-Петербург. Внесем определенное уточнение в хронологию завершающего этапа сношений Войска Донского с Крымским ханством, предложенную А.П. Пронштейном²: еще 14 января 1746 г. датировано письмо крымского хана Селим-Гирея II атаману Войска Донского Д. Ефремову, отосланное, как водится, в Санкт-Петербург [РГВИА, ф.20, оп.1/47, д.316, ч.1]. Отметим, что на это письмо Д. Ефремов ответил [Там же, л.8–8об.], а 16 февраля того же года написал хану другое письмо [Там же, л.187]. Переписка хана с атаманом имела место и позже; вступали потом в переписку с войсковым руководством и другие крымские ханы (Крым-Гирей). Похожая картина наблюдается в истории пограничного сотрудничества Войска Донского с администрацией османского Ачуева в 1740-е гг.³ Еще более тесные контакты, документально зафиксированные, характеризовали отношения верхушки Войска Донского с кубанскими сераскирами, причем переписка велась в обоих направлениях⁴.

² Ученый, с одной стороны, соотнес хронологию явления с 1713 г., с другой стороны, указал на 1718 г., когда крымской хан прислал от себя «лист» Д.Ефремову. При этом, безусловно, мы согласны с А.П.Пронштейном в том, что оценивать переписку Войска Донского с крымским двором *за разные периоды* нужно с учетом менявшегося статуса и положения Войска Донского. Конечно, о содержании такой переписки становилось известно в Санкт-Петербурге, что не могло не отражаться на построении текстов и на их содержании.

³ См. письмо ачуевского «оберегателя» Арсланбек-бия, назначенного на должность крымским ханом, атаману Д.Ефремову за январь 1746 г. [РГВИА, ф.20, оп.1/47, д.316, ч.1, л.7].

⁴ В частности, речь о переписке Д.Ефремова и кубанского сераскира Сеадет-Гирея за 1740-е гг. [Там же, л.105, 107–110, 143, 144, 145, 146а, 147]. В одном из документов Д.Ефремов упоминает о своих письмах друтому сераскиру, Селим-Гирею, а также Касаю-мурзе [Там же, л. 187].

Многолетние контакты Войска Донского и Крымского ханства за предыдущие, по отношению к событиям XVIII в., годы отразились в разных источниках. Представленная статья посвящена контактам (переписке) крымских ханов Адиль-Гирея и Селим-Гирея I⁵ с донским атаманом С.Т.Разиным и с его сподвижниками⁶. Связи Крыма и Войска Донского развивались во второй половине XVII в. под влиянием различных факторов, включая размах и географию народного движения под предводительством С.Т.Разина. Характерно, что крымско-казачьи отношения последней трети XVII в. оказались в значительной степени вынужденно актуализированы. Ещё в 1668 г. С.Т.Разин предполагал войти в сношения с крымским ханом Адиль-Гиреем через посредничество ногайского Исуп-мурзы. «Заинтересованный», вероятно, мятежным атаманом, этот знатный ногаец даже прибыл в Бахчисарай: «И хан де тому мурзе в прошенье войска не поверил, а говорил, что они изменники и *верить им не можно* (выделено нами. – Д.С.)» [Крестьянская война, т.IV, с.11]. По состоянию на осень 1668 г. (вероятно, ещё в ноябре) Исуп-мурза оставался в Крыму – свое окончательное решение хан не спешил выносить. Очевидно, перед нами – одно из самых первых известных специалистам свидетельств об установлении контактов между крымскими ханами и верхушкой Войска Донского. До описываемых событий, представляется, о подобных контактах на столь высоком уровне не могло быть и речи. Налицо инициативные действия о стороны С.Т.Разина по установлению контактов с крымским двором. А.В.Цюрюмов справедливо указал на сложный характер мотивации действий донского атамана, частично обусловленной сближением С.Т.Разина с калмыцким тайшой Мончаком [Цюрюмов, 2007, с.112].

В случае с перепиской конца 1660-х гг. инициатива действительно исходила от атамана С.Т.Разина, намеревавшегося обрести союзников в лице самых разных участников, включая Крым, Запорожскую Сечь, калмыков, гетмана Правобережной Украины П.Дорошенко и пр. Интересно при этом проанализировать каналы, формы коммуникации всех «антироссийских» союзников и корреспондентов атамана С.Т.Разина. Показательной предстает реакция крымского хана Адиль-Гирея – окрашенная тогда в *эмоционально-негативные тона*. Перекопский Бей-мурза подтвердил в том же 1668 г. возвращающемуся из Крыма в Москву гонцу И.Суздальцеву, что С.Т.Разин присылал в Крым «просить людей, чтоб ему зимою итти на Дон и весь Дон разорить» [Крестьянская война, т.IV, с.12]. По версии этого информанта московского гонца, в Крыму якобы было решено согласиться с предложением атамана и «итти зимою». Впрочем, мурза не уточнил, когда именно в Крыму случилась «Стенькина присылка». Безусловно, в ходе дальнейшего изучения вопроса может оказаться, что речь идет о разных событиях. Вместе с тем, характеризуя источники, можно полагать, что вряд ли Крым организовал тогда масштабную информационную провокацию, адресованную Москве. В словах, исходивших от крымской стороны, вряд ли целесообразно искать «потенный смысл», состоявший в намерении ханского двора дезинформировать российскую сторону.

Позже, летом 1670 г. [Крестьянская война, т.II, ч.1, с. 552], атаман С.Т. Разин не оставил попыток вступить в контакт с крымским ханом: «...и в Крым де от него, Стеньки, присылка, чаять, будет же» [Там же, с.34]⁷. Украинская исследовательница М.В.Кравец нашла и опубликовала до того неизвестное в науке письмо крымского хана Адиль-Гирея Степану Разину от 3 (13) августа 1670 г. Находка, по-нашему мнению, имеет принципиальное значение для развития научной дискуссии о формах и способах коммуникации Войска Донского с крымскими ханами в XVII в., не говоря уже о более масштабной проблеме – истории дипломатической деятельности повстанцев. Оригинал письма не сохранился. Написано оно было на польском языке⁸, перевод несохранившие-

⁵ Правление хана Адиль-Гирея: конец 1666 г./май 1671 г., хана Селим-Гирея I: май 1671 г./декабрь 1677 г. [Le Khanat de Crimée, 1978, p.365]. Ср. у В.Д.Смирнова: Адиль-Гирей: март 1666 г./май 1671 г., Селим-Гирей I: май 1671 г. / (декабрь – ?) 1677 г. [Мининков, 1998, с.412, 417, 421].

⁶ При формулировке названия статьи указанный факт сознательно опущен.

⁷ Составители сборника «Крестьянская война...» (Т.П. Ч.1) скептически отнеслись к данному известию, ссылаясь, в частности, на возможность двоякого прочтения аналогичного сообщения – см. текст на с.552 указанного тома. Между тем, здесь же, рядом со словами толмача П.Кучюмова, приводимыми в предыдущей сноске, находим: «Жилец Кузьма Коржавин про вора сказал *те ж речи* (выделено нами – Д.С.)». Вопрос о сношениях С.Т.Разина с ханским двором является частично решённым и, вместе с тем, перспективным.

⁸ Для канцелярских традиций Крымского ханства было характерно использование разных, в т.ч. славянских, языков, в сфере межгосударственной переписки. Правда, уже в середине XVII в. послания на польском языке воспринимались, скорее, как «исключения из правил («вопреки обычаю»). В роли писцов выступали пленные польские шляхтичи. Заверяли такие польские грамоты арабографичными печатями ханов» [Зайцев, 2010, с.22]. Как видим, еще в конце столетия практики составления посланий на польском языке имели место. Вместе с тем, отсутствуют сведения о печати хана Адиль-Гирея, удостоверившей текст.

гося оригинала сделан служащими Посольского приказа в 1673 г.⁹ Именуя С.Т.Разина «шляхетным Стенкой славным»¹⁰, хан Адиль-Гирей указывал на «писание» атамана, подтверждая тем самым отправку с Дона в Бахчисарай, *как минимум*, одного письма. Но главное: «И аще ли есте с нами хотите быть в ссылке, тогда надобно, чтоб вы своих посланцов да Тахтарали Гаджи, моего слуги, посылали, которой там на границе близко вас живет. Мы оному вручили есмы, чтоб сносился с нами» [Кравец, 1991, с.25]. Показательно, указывает М.В.Кравец, что Адиль-Гирей вспоминает о договоре повстанцев Б. Хмельницкого с крымским ханом Ислам-Гиреем III, считая возможным заключить подобный договор со С.Т.Разиным [Там же, с.23].

Но, как оказалось, попытки установить контакты путем переписки особого результата сторонам не принесли. Позиции несостоявшихся союзников существенно различались, причем обе стороны понимали значение такой коммуникации. *Незаключение* возможного союза Крыма и Войска Донского определялось, в числе других причин, историческим грузом их взаимного недоверия и конфронтации¹¹. Ситуация, скорее всего, не изменилась бы, даже если не видеть в морских ударах донских казаков лета 1670 г. урона крымским владениям [Крестьянская война, т. II, ч. 1, с.33]. Вместе с тем, неслучайно крымские послы в Москве Сефер-ага и Мустафа-ага 21 (11) октября 1670 г. уведомили дьяка Посольского приказа Я. Поздышева о готовности хана Адиль-Гирея, ссылаясь на текст его шертной грамоты, помочь царю Алексею Михайловичу в подавлении восстания: «И буде те воры не усмирятца, а поволит царское величество ханову величеству их усмирить, и ханово де величество усмирит их вскоре» [Крестьянская война, т. II, ч. 2, с.117].

О выступлении С.Т.Разина было хорошо известно при султанском дворе. Известия о том, что атаман изготовил множество судов и «хочет итить на Черное море к турским кра[ям]», полученные в Москве 11 марта 1671 г., вызвали едва ли не переполох в Османской империи. Оповещённый азовским Сулейманом-пашой, великий визирь «многие де турецкие города, при море будучие, приказал... укрепить и воинскими и всякими запасы пополнить» [Крестьянская война, т. IV, с.41]. Особо отметим опасения турок-османов, «чтоб казаки Озова не взяли, потому что крепко де Черное море Озовом, а естли де Азов доста[нетца] в руки казаком, и на Черное море и выгитить им будет нельзя...» [Крестьянская война, т. IV, с.42]. Мало кто обращал внимание на тот факт, что выступление С.Т.Разина вызвало соответствующую переписку между Бахчисараем и Стамбулом, что правитель Крыма «почасту» писал султану Мухаммеду IV о Разинском выступлении, что в Азов поступали сведения о действиях С.Т.Разина. В частности, на такой сюжет, относящийся к 1670 г., обратил внимание Н.А. Мининков [Мининков, 1998, с.424]. Известно также, что крымский хан Селим-Гирей I писал султану об установлении контактов с мусульманскими народами Поволжья, поддержавшими С.Т.Разина. Наконец, гетман Левобережной Украины И. Брюховецкий, предполагавший создание альянса антимосковских сил, обращался за помощью не только к С.Т.Разину, но также к крымскому хану Адиль-Гирею и к султану Мухаммеду IV [Кравец, 1991, с.22]. Известно, помимо прочего, о попытках С.Т.Разина завязать контакты с азовским пашей и с ногайскими мурзами [Крестьянская война, т. III, с.54]. В среднесрочной перспективе могут быть предложены дополнительные основания для актуализации вопроса о международном резонансе Разинского выступления, породившего отклики не только в Европе, но при дворах восточных правителей. Один из аспектов проблемы – распространявшаяся информация (включая слухи) о происхождении, внешнем виде и личных характеристиках С.Т.Разина.

Из статейного списка возвратившегося из Крыма подьячего Г. Михайлова (1671 г., апреля 16) становится известно об одном любопытном факте, а именно, о «метисном», возможно, происхождении мятежного атамана. Кто-то из крымских чиновников заявил, что крымскому хану Адиль-Гирею получил известие от азовского пашы и от ногайских мурз, что «объявился с ваши стороны на Волге казак тума Стенька Разин и набрал де от многих самовольников русских людей и нагайцов» [Там же, с.54]. Правда, составители сборника, в котором опубликован документ, посчитали приведенное свидетельство хотя и интересным, но не вполне правдоподобным. Современный автор В.М.Соловьев также отмечает, что С.Т.Разин, по не вполне достоверным данным, известен был на Дону как «тума», т.е. сын русского и турчанки. В отличие от него ни старший брат, имя которо-

⁹ Ниже по тексту мы объясняем, почему перевод был сделан *именно* в 1673 г.

¹⁰ Такая форма обращения не столько поднимала статус адресата, сколько позволяла адресанту, крымскому хану, вступить в переписку с «неравным» дипломатическим партнером.

¹¹ Своеобразие ситуации состояло в том, что отношения Крымского ханства с Войском Запорожским развивались по иному сценарию, характеризовавшемуся большей степенью доверия, боевым содружеством, военными и военно-политическими союзами.

го нам неизвестно, ни младший, Фрол, нигде «тумой» не именуется. Быть может, задается вопросом В.М.Соловьев, Тимофей Разин привез из очередного похода приглянувшуюся ему пленницу и прижил с ней ребенка [Соловьев, 1994, с.41]? Косвенным подтверждением метисного происхождения С.Т.Разина, по В.М.Соловьеву, может служить тот факт, что предводитель крестьянской войны, возможно, по преувеличенным сведениям секретаря шведского посольства в Персии Э.Кемпфера, помимо русского, украинского и польского языков, свободно владел языками «тюркской группы»: турецким, татарским, калмыцким. Вместе с тем, «С.Разин, очевидно, от природы был полиглотом: предполагают, что он вполне сносно изъяснялся с калмыками и ногайцами, а также неплохо понимал фарси» [Там же, с.42].

Обратим внимание на следующий факт – крымский хан Адиль-Гирей предпринял попытку расширить контакты с повстанцами С.Т.Разина: свое письмо¹² он направил В.Усу, одному из ближайших соратников С.Т.Разина и Ф.Шелудяку (Шолудяку), атаману в Астрахани, активно поддерживавшему мятежного донского атамана. Письмо хана добралось до Астрахани и попало в руки «воровскому» войсковому подъячему Я.Ефремову. Этот свидетель, державший документ в руках, показал позже на допросе, что после изготовления списка (перевода?) с письма хана «то де крымское и его, Янкино, письма послали они к Стеньке Разину под Синбирск (таким образом, речь идет о событиях осени 1670 г.¹³, когда престол в Крыму занимал Адиль-Гирей – Д.С.)» [Крестьянская война, т.Ш, с.258]. Подчеркнем, что «с пытки» Я.Ефремов свои слова об указанной переписке подтвердил. Как оказалось в итоге, переписка крымского хана Адиль-Гирея с Войском Донским при атамане С.Т.Разине имела место – относить информацию о ней к сфере слухов и нереализованных замыслов сторон перевести свои отношения на новый уровень, конечно, нельзя.

Между тем связи ханского двора с донскими казаками получили новый импульс, новую обратную связь – уже после отрешения от власти Адиль-Гирея весной 1671 г. Показательным считаем намерение нового крымского хана Селим-Гирея I ударить в том же году «ему с Стенькою и с астраханскими и с нагайскими татарами и со всем Крымом... на Московское государство войною» [Крестьянская война, т.Ш, с.82]¹⁴. Обратим внимание на следующую деталь: в годы третьего своего правления¹⁵ именно Селим-Гирей I поддержал донских казаков-старообрядцев, перешедших в кубанские владения ханов в начале 1690-х гг. [Боук, 2001, с.25]. Считаем, что управленческие практики хана времен первого правления вполне могли тому способствовать. В 1688 г. перебежчик из османского Азова сообщал Войску Донскому о якобы имевшем место уходе крымского хана (тогда в Крыму правил именно Селим-Гирей I. – Д.С.) за Перекоп, из опасений лишиться престола по воле султана Сулеймана II. Перебежчик уточнял, что намерение хана состоит в том, чтобы «отложитца к Черкасскому или к Донским казаком (выделено нами. – Д.С.) и салтану турецкому чинить отмщение» [Дополнения, 1872, с.227–228]. Возможно, в данном случае до жителей Азова дошли известия о том, что в ответ на предложение из Стамбула выступить в венгерский поход хан ответил отказом, мотивируя «необходимостью заняться охраной собственных владений, которым угрожало вторжение ляхов и московцев» [Смирнов, 2005, с.434]. При султанском дворе были встревожены таким поведением хана – начались разговоры о претензиях хана Селим-Гирея I на самостоятельность.

Решив все же отправиться в Стамбул, хан выехал туда в январе 1689 г. – где его самым достойным образом принял султан Сулейман II. Направленность слухов о возможном укрывательстве хана-«мятежника» (у казаков на Дону) весьма интересна – невероятного в том турки-османы не находили. Таким образом, при анализе процессов, характеризующих развитие крымско-казачьих отношений, необходимо учитывать роль информационного пространства, включающего в себя область слухов, пересказов, передачу разведывательной и т.п. информации, как оказывается, влиявших на изменение коллективных и индивидуальных представлений населения Крымского ханства, донского казачества друг о друге.

В 1673 г. Москва озаботилась изъятием ханских «листов», ещё остававшихся *почему-то* в Войске и хранившихся, полагаем, в войсковой избе. Царской грамотой от 2 января 1673 г. Войску Донскому повелевалось прислать указанные «листы» с толмачом И.Кучюмовым, направляемым из Москвы на Дон [Крестьянская война, т.Ш, с.288]. В конце января того же года И.Кучюмов был заслушан

¹² В одной из своих публикаций мы допустили ошибку, посчитав, что писем, адресованных В.Усу и Ф.Шелудяку, было несколько [Сень, 2009, с.35].

¹³ Точнее, о событиях сентября-октября 1670 г.

¹⁴ Эти известия были получены в Посольском приказе 3 июня 1671 г., между тем как ханом Селим-Гирей I стал всего лишь за месяц до описываемых событий [Смирнов, 2005, с.417].

¹⁵ Октябрь 1692 г. – февраль 1699 г.

в казачьем кругу в Черкасске, после чего донские казаки «те листы хана крымского, что писал к Стеньке Разину, сыскав у себя в войску, отдали ему тотчас» [Там же, с.291]. Обращает на себя внимание та быстрота, с которой казаки приняли решение об отдаче писем, конечно, превосходно зная о месте их хранения. Немного времени, судя по всему, понадобилось на процедуру поиска писем в войсковом архиве. Анализировавшееся выше письмо хана Адиль-Гирея к С.Т.Разину вместе с другими «листами» было доставлено в Москву Иваном Кучюмовым 27 февраля 1673 г. [Кравец, 1991, с.25], а уже на следующий день его расспрашивали в Посольском приказе. Обращают на себя внимание детали всей этой истории, масштабы которой далеко выходят за рамки нереализованного союза (союзов) крымских ханов с мятежным атаманом. Оказалось, что информация о письмах была получена в Москве «стараниями» станичного атамана Ф.Минаева (будущего войскового атамана), между тем как Войско Донское возглавлял тогда К.Яковлев. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства:

– актуализация информации о хранящихся в Войске «опасных» письмах носила инспирированный характер. Скорее всего, в действиях информатора – Ф.Минаева, участника Разинского выступления, «прославившегося» затем исключительной лояльностью Москве и ставшего войсковым атаманом, имелся определенный прагматический и политический расчет;

– участники событий, связанных с изъятием из Войска ханских «листов», говорили о них во множественном числе. Вероятно, имеет смысл возобновить поиски писем (копий) в российских архивах – прежде всего, в РГАДА. Стоит предположить, что таких писем, как минимум, имелось два. Авторство второго документа может быть приписано, прежде всего, хану Селим-Гирею I;

– укрывательство, по своей сути, атаманом К.Яковлевым ханских писем как важных уликов «воровства» не только С.Т.Разина, но, собственно говоря, и Войска Донского. При этом возникает вопрос, зачем Войску нужно было хранить столь «опасные» письма, сохранявшие для него определенное значение? Следовательно, войсковое руководство имело здесь свои резоны, вероятно, сознательно поддерживая опыт хранения в войсковом архиве документов, связанных с разными государствами и народами, переписка с которыми имела место.

Исход «разинщины» оказался знаменательным в следующем отношении – летние события 1671 г. привнесли в историю донского казачества *первую* для него присягу, по которой атаманы и казаки были приведены «к вере» сначала в Москве. Те же действия надлежало провести вскоре на Дону: полковник Г.Косагов и дьяк А.Богданов, получившие подробный наказ с текстом присяги, отбыли на Дон в июле 1671 г., как указывает С.И.Рябов. Направляясь на Дон во главе крупного отряда ратных людей, царские посланцы прибыли 24 августа, а 29 августа 1671 г. состоялась присяга¹⁶. Среди условий, выдвинутых Войску, содержащихся в тексте присяги, обращает на себя внимание следующее: «И в Крым (выделено нами. – Д.С.), и в калмыки, и в Литву, и в немцы, и в иные государства не отъехать, и из города и ис полков без указа великого государя и без отпуску не съехать, и города не здати, и в полках воевод не покинути, и с его государевыми недруги и со изменники не ссылатися» [Крестьянская война, т. III, с. 148].

Мы видим, что территория Крымского ханства стоит на *первом месте* среди возможных направлений «измены» донских казаков. О землях Османской империи речь не идет, хотя бегство казаков в османский Азов раньше имело место [Сень, 2010]. С.И.Рябов, не приводя аргументации, пишет, что такое «неупоминание» связано с компромиссным характером присяги [Рябов, 1992, с.81]. Тогда возникает вопрос – готова ли была Москва отказаться от контроля над интенсивными контактами казаков с османским Азовом? Маловероятно. «Странность» ситуации состоит здесь и в том, что в Москве было хорошо известно о многолетних практиках Войска Донского по «замирению» и «розмирению» с османским Азовом. При характеристике документа также отметим, что у нас нет пока свидетельств об уходе казаков в Крым, либо в ногайские владения Гиреев (Кубань) в 1660-е–1670-е гг. Вместе с тем, подозрения Москвы имеют под собой весомые основания – как было показано выше, Войско Донское и Крымское ханство хотя и медленно, но преодолевали взаимные предубеждения о возможности мирного и боевого сотрудничества. Показательно, что российская сторона, заставившая донских казаков присягнуть, пыталась предупредить впредь их «ссылки» с «государевыми недруги». Полагаем, что именно письменная форма таких «ссылок» беспокоила Москву прежде других.

При дальнейшем изучении темы следует обратиться к такому источнику информации о подобных связях, как слухи, распространившиеся в России, в Азове, в Крыму. Анализ слухов, скорее всего,

¹⁶ Об обстоятельствах принесения казаками присяги, некоторые ее оценки см. [Мининков, 2006, с.32–33].

выявит дополнительные сведения, связанные с перепиской правящих крымских ханов и казачьих войсковых элит. Мы относим слухи к информационному пространству менявшейся исторической ситуации, когда в конце XVII в. возможным стал переход группы донских казаков-старообрядцев на Кубань [Сень, 2011а; Усенко, 2000]. Без обращения к предпосылкам и причинам такого исключительного для отношений Крымского ханства и донского казачества явления, объяснить действия сторон было бы проблематично. Исследование неконфронтационных форм их коммуникации, включая переписку правящих ханов и войсковых элит, существенно расширяет наши представления о процессах, связанных с политической историей Войска Донского разинского и послеразинского времени¹⁷, с освоением донскими казаками Северного Кавказа на рубеже XVII–XVIII вв.

Список источников и литературы

Боук, 2001 – Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). 2001. №4. С.30–38.

Дополнения, 1872 – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т.12. – 423 с.

Зайцев, 2010 – Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2010. – 304 с.

Королев, 1999 – Королев В.Н. Донские казаки в XVII–XVIII вв.: походы, кругозор и просвещение // Проблемы источниковедения и отечественной истории. (Памяти А.П. Пронштейна). Ростов на/Д., 1999. С.92–113.

Кравець, 1991 – Кравець М.В. Невідомий лист кримського хана Адиль-Гірея до Степана Разіна // Дослідження з історії Придніпров'я: соціальні відносини та суспільна думка: Збірник наукових праць. Дніпропетровськ, 1991. С.21–25.

Крестьянская война, т. II, ч. 1 – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А.Швецова, ред. проф. А.А.Новосельский. М. Изд-во АН СССР, 1957. Т. II. Ч. 1. – 665 с.

Крестьянская война, т. II ч. 2 – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док-в / Сост. Е.А.Швецова, ред. проф. А.А.Новосельский. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. Ч. 2. – 243 с.

Крестьянская война, т. III – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А.Швецова, ред. проф. А.А.Новосельский. М. Изд-во АН СССР, 1962. Т. III. – 491 с.

Крестьянская война, т. IV – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док-в. / Сост. Е.А.Швецова, ред. – акад. Л.В.Черепнин, д.и.н. А.Г.Маньков. М.: Изд-во АН СССР, 1976. Т. IV (дополнительный). – 280 с.

Куц, 2004 – Куц О.Ю. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637–1667 гг.) // Очерки феодальной России / Ред. С.Н.Кистерев. М., 2004. Вып. 8. С. 122–164.

Куц, 2009 – Куц О.Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 456 с.

Мининков, 1998 – Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов на/Д.: РГУ, 1998. – 512 с.

Мининков, 2006 – Мининков Н.А. Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI – начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. статей. Вып. 1. Ростов на/Д.: ЮНЦ РАН, 2006. С. 25–37.

Махатка, 1958 – Махатка О. Дипломатическая деятельность «Священной лиги» среди казачества и калмыков в 1683–1686 гг. // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и лит.-ры. Л., 1958. Вып. 3. С. 35–45.

Пронштейн, 1961 – Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов на / Д.: РГУ, 1961. – 375 с.

Рыблова, 2006 – Рыблова М.А. Донское братство: Казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград: ВолГУ, 2006. – 240 с.

Рябов, 1992 – Рябов С.И. Донская земля в XVII веке. Волгоград: ВГПИ, 1992. – 224 с.

РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 4.

РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 11.

РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 316. Ч. 1.

Сень, 2009 – Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов на/Д.: ЮФУ, 2009. – 280 с.

Сень, 2010 – Сень Д.В. Казаки-перелеты // Родина. Российский иллюстрированный журнал. 2010. №3. С. 63–65.

¹⁷ Послеразинская эпоха или, точнее, последняя четверть XVII вв. – один из наименее изученных периодов в истории донского казачества. Достаточно часто указанное время получает освещение в связи с предысторией Булавинского выступления, что не мешает современному исследователю оценить эпоху как самостоятельный период в истории казачьего Дона, нуждающийся в отдельном монографическом изучении.

Сень, 2011 – Сень Д.В. Контакты Войска Донского с Речью Посполитой в 1680-е гг. // Воєна історія Наддніпрянщини та Донщини: Наук. сб.: Мат-ли. Всеукр. наук. військово-історичної конф. Київ, 2011. С.92–97.

Сень, 2011а – Сень Д.В. Из «вольных» казаков – в поданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. // Восток (Oriens). М., 2011. №5. С.46–54.

Сень, 2011б – Сень Д.В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2011. С.289–320.

Соловьев, 1994 – Соловьев В.М. Анатомия русского бунта: Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994. – 252 с.

Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века / Отв. ред. С.Ф.Орешкова. М.: Рубежи XXI, 2005. – 542 с.

Цюрюмов, 2007 – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.

Усенко, 2000 – Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 2. С.63–67.

Le Khanat de Crimée, 1978 – Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaiye, Chantal Lemercier-Quelquejay. Paris, 1978. – 458 p.

Д.В. Сень

**КЫРЫМ ХАНЛЫГЫ ҺӘМ ДОН КАЗАК ГАСКӘРЕНЕҢ
ДИПЛОМАТИК МӨНӘСӘБӘТЛӘРЕ: ГӘРӘЙЛӘРНЕҢ
АТАМАН С.Т.РАЗИН БЕЛӘН ХАТ ЯЗЫШУЛАРЫ**

Ачыкч сүзләр: Кырым ханлыгы, Дон казак гаскәре, гаскәр архивы, хат язышу, кырым ханнары, атаман С.Т.Разин

Кыскача эчтәлек. Мәкаләдә атаман С.Т.Разинның 1660-1670 елларда кырым ханнары белән моңарчы аз йөрәнелгән контактлары яктыртыла. Дон казакларының Кырым ханлыгы белән дипломатик элемтәләре мәсьәләсе казак гаскәре архивы тарихы һәм гаскәрдәге рәсми кәгазьләр тутыру тарихы аша бирелә.

D.V. Sen

**DIPLOMATIC RELATIONS OF THE CRIMEAN KHANATE
AND ARMY DON: CORRESPONDENCE OF KHANS
OF A GIREY DYNASTY WITH ATAMAN S.T.RAZIN**

Keywords: Crimean Khanate, Army Don, correspondence, army archive, Crimean khans, ataman S.T.Razin.

Annotation. In article the low-studied questions of contacts of ataman S.T.Razin with the Crimean khans at a boundary of the 1660–1670th are considered. The problem of diplomatic contacts of the Don Cossacks and the Crimean khanate is presented against history of archive of Army Don, stories of army office-work.

Сень Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (г.Ростов-на-Дону).

E-mail: dsen1974@mail.ru

Сень Дмитрий Владимир улы – тарих фәннәре докторы, Көнъяк федераль университетының профессоры (Ростов-на-Дону шәһәре).

Sen Dmitry Vladimirovich – doctor of historical sciences, professor, the Southern Federal University (Rostov-on-Don).